

ЭПИЧЕСКИЙ ЖАНР ОЛОНХО В АСПЕКТЕ СООТНОШЕНИЯ УСТНОЙ И ПИСЬМЕННОЙ ТРАДИЦИЙ

Рассматривается письменный прецедент создания якутского эпоса олонхо в творчестве якутского поэта П. А. Ойунского. Сопоставительный анализ этого типа текста с фольклорными вариантами позволяет прийти к выводу о принципиальном различии письменного типа эпоса и устной традиции олонхо.

Ключевые слова: эпический жанр, устная и письменная традиции, вариант, инвариант, олонхо, авторство.

S. Makarov

Olonkho Epic Genre in the Aspect of Oral and Written Traditions Correlation

This article includes a review of the written precedent of the creation of Yakut epos OLONKHO in the works of Yakut poet P.A.Oyunskiy. The comparative analysis of this type of text and its folklore equivalents leads to a conclusion that there is a certain distinction between the written type of epos and the olonkho oral tradition.

Keywords: epic genre, oral and written traditions, variant, invariant, olonkho (an epos of Yakuts), authorship.

Проблема соотношения устной и письменной традиций является достаточно разработанной в теоретическом плане в работах Е. М. Мелетинского, С. Ю. Неклюдова, Б. Л. Рифтина, С. М. Толстой и др. В то же время проблема «устный»/«письменный» текст остается малоисследованной на якутском материале. Уникальную возможность изучения соотношения устной и письменной традиций представляет материал якутского героического эпоса олонхо, представленный живой устной традицией, сосуществующей с литературой и с иными формами письменности. Героический эпос олонхо является одним из наиболее продуктивных жанров якутского фольклора. Это значительные по объему произведения, включающие от 4 до 20 и более тысяч строк. В типологической классификации, предложенной Е. М. Мелетинским, олонхо определяется как архаический тип эпоса [2]. Он сохраняет существенную связь с мифом, выражающуюся непосредственно в мифологической трехчастной модели мира, в типе «одинокого» героя, во времени «перво-

творения» в эпическом зачине. Якутский эпос удерживает сюжетную канву архаической *богатырской сказки*. Олонхо, как и другие тюрко-монгольские эпические сказания, повествует о борьбе культурного героя с хтоническими существами и о межплеменных конфликтах [2, с. 21–94]. Мотивы деятельности героя олонхо совпадают с общеплеменными интересами, со стремлением к установлению первых социальных институтов, к борьбе с хаосом, к гармонизации миропорядка. Зачастую племя понимается как весь человеческий род, подвергаемый нападению мифологических демонов. Сюжетный фонд олонхо состоит из элементов, возникших в разные периоды. Ранние формы повествуют о герое-первопредке, более поздние — о героях-защитниках племени. Установить точный хронологический момент возникновения устной традиции якутского эпоса не представляется возможным. Предположительно это время консолидации тюркских племен — предков якутов. Однако устная традиция якутского эпоса олонхо значительно древ-

нее его письменной традиции, появившейся в XX веке.

Первые записи устных вариантов олонхо появляются на рубеже XIX–XX вв. (А. Я. Уваровский, А. Д. Миддендорф, И. А. Худяков, В. Л. Приклонский, С. В. Ястремский, Э. К. Пекарский и др.). «Верхоянский сборник» И. А. Худякова (1890) и «Образцы народной литературы якутов» Э. К. Пекарского (1907–1918) — наиболее фундаментальные издания якутского фольклора того времени. Записи дают представление о сюжетно-композиционном своеобразии эпоса, о некоторых особенностях стиля, фактически они представляют собой срез самой устной традиции. Однако письменная фиксация живого исполнения фольклорного произведения в силу особенностей техники неизбежно была неполной.

Несколько иной этап в научном осмыслении и развитии эпической традиции намечается в 1920–40-е годы с появлением первых прецедентов создания письменных текстов эпоса: «Нюргун Боотур Стремительный» П.А. Ойунского (1929–32), «Могучий Джагарыма» В.М. Новикова-Кюннюк Урастырова (1941) и др.

Наибольшую ценность в этом плане представляет текст, созданный П.А. Ойунским. С именем Ойунского связывается появление прецедента письменного типа эпического текста. По признанию поэта, в основу сюжета данного текста были положены мотивы эпических сказаний о Нюргун Боотуре-защитнике племени, услышанных некогда самим Ойунским от сказителей. В стихотворном прологе к «Нюргун Боотуру» Ойунский пишет, что данный текст «сделан» им из мотивов «тридцати олонхо» [6, с. 6]. Письменный тип эпического текста изначально отмечен фигурой автора и публикуется по частям. Первую «песнь» «Нюргун Боотура Стремительного» Ойунский издает в 1930 г., вторую и третью — в 1931 г. Последующие шесть песен написаны в 1932 г. Прецедент письменного текста олонхо создается и транслируется по специфическим

принципам письменной традиции. Акты продуцирования и восприятия текста оказываются разъединенными во времени, у автора появляется неограниченная во времени возможность предредактирования сообщения, а текст в итоге приобретает констатную форму. П. Ойунским вырабатываются специфически письменные формы выразительности, близкие приемам литературной стилистики. Текст олонхо Ойунского не имеет абсолютных аналогов среди устных вариантов. Фольклорные варианты являются лишь прототипическими источниками письменного текста эпоса. В связи с этим возникает необходимость в исследовании этого прецедента в аспекте соотношения двух систем: устной и письменной традиций.

Исходя из этого, целью статьи является сопоставление двух типов текста эпической традиции: устного и письменного.

Фольклорный текст олонхо обладает всеми свойствами устного текста. По классификации типов текстов С. Неклюдова, традиционный эпический текст олонхо может быть определен как «структурированный устный метризованный текст, сочетающий пение и речитатив в разных долях» [3]. Основная черта традиционного эпоса — это устность как способ его бытования. Реальные коммуникативные условия позволяют данному типу текста существовать лишь в процессе его исполнения в ограниченный период времени. Он, в отличие от письменного текста, существует только в настоящем. После акта исполнения текст возвращается в инертное состояние и хранится до следующего исполнения в памяти исполнителя в виде фабульно-тематической модели, с одной стороны, и стилистических формул, ее выражающих, — с другой. Следовательно, тексты устной традиции как предмет научного анализа по своей природе всегда реконструктивны и не могут быть иными. Любые фиксации устного текста вне зависимости от степени их точности не в состоянии полностью соответствовать

звучащему оригиналу, а сам этот оригинал является лишь одной из «потенциально возможных манифестаций традиции, которую, в сущности, следует рассматривать скорее как некий умозрительный конструкт, нежели как субстанциональную данность культуры» [3].

Устность также предполагает специфичный «контактный» тип коммуникации исполнителя и слушателей, выражающийся в непосредственной устной передаче текста от исполнителя к слушателю. При этом коммуникационный процесс складывается из ряда дискретных, связанных друг с другом звеньев — актов исполнения, восприятия, запоминания и т. д. Цепь таких однократных коммуникативных сеансов и делает возможной трансляцию устного текста во времени и пространстве [3]. В своей совокупности они образуют механизм традиции, обеспечивают сохранение и совершенствование либо забвение устного текста, его фольклоризацию, нарастающее превращение индивидуального творческого акта в обобщенный и коллективный творческий акт.

В непосредственной связи с отмеченным свойством устной традиции находится так называемый «неосознанный тип авторства» в фольклоре (М. И. Стеблин-Каменский) [11, с. 34]: сказитель никогда не отождествляет себя с автором. Речь идет не о произведении, а всегда лишь о более или менее точном воспроизведении ранее услышанного. Элементы новотворчества и импровизации в фольклоре строго регламентируются традицией. Принципиальное различие устной и письменной традиций выражается также в принципах отбора и санкционирования формальных и содержательных элементов произведения. П. Г. Богатырев и Р. О. Якобсон отмечают, что в устной традиции «удерживаются только такие формы, которые для данного коллектива оказываются функционально пригодными. Как только форма утрачивает свою функцию, она отмирает в фольклоре, тогда как в лите-

ратурном произведении она сохраняет свое потенциальное существование» [1, с. 378]. Как следствие, в устной среде возможность реактуализации поэтических фактов значительно ниже. При этом сказителем принимаются во внимание индивидуальные особенности аудитории: возрастные, гендерные, социальные и пр. Каждый раз создается неповторимое во многих отношениях произведение, удовлетворяющее запросам конкретной аудитории. Смежной коммуникативной чертой устного эпоса является представление о некоем обязательном для каждого слушателя наборе фоновых знаний, неких «предзнаний», определяемых традицией.

Устное повествование представляется не одним единственно верным, полным текстом, а всегда существует в виде многообразных вариантов. Фольклорная традиция в этом плане представляется динамической, текучей, обновляющейся системой. Она располагает значительным арсеналом стилистических клише, объединенных общей конкретно-ситуативной семантикой и создающихся по единому принципу, что позволяет выделить «типические места» эпического нарратива. Исследователи (К. В. Чистов, И. И. Земцовский, Б. Н. Путилов) солидарны во мнении, отмечая тесную взаимозависимость категорий вариативности и устойчивости в устной среде. При этом для исследователя значимо, что всякая вариативность — это не только изменение, но и повтор. Все уровни эпического текста олонхо, содержательные и формальные его элементы отмечены значительной стереотипностью. Повторяемость пронизывает все уровни текста олонхо: от фонетического (аллитерация, ассонанс) до сюжетного (стереотипные мотивы, «типические места»).

В устной традиции олонхо не регламентируется отбор лексики для формул по критерию стилистической маркированности. Устный текст не урегулирован в этом аспекте. В устной традиции отсутствует представление о нормированном, кодифициро-

ванном языке. Поскольку текст имеет, как правило, непрерывное линейное развертывание, разбивка текста на строки, всякое композиционное членение являются условным привнесением в понимание структуры устного сообщения.

На материале вариантов якутского эпоса устанавливается, что устная коммуникативная природа определяет в итоге структуру повествования, влияет на эпический стиль. При этом наиболее подвижными являются уровни формульного выражения и сюжетных вариаций, а наибольшей стабильностью обладает фабульно-топический и тематический контур эпического текста.

Принципиально иной — письменный — тип эпического текста представляет собой олонхо П. А. Ойунского «Нургун Боотур Стремительный». В прецеденте письменного текста олонхо обнаруживается тенденция к *осознанию авторства*, приводящая к возникновению свойств и конфигураций, не известных устному типу эпического текста. Повествование начинает осознаваться как некое целое, элементы которого могут и должны быть подвергнуты авторской обработке. По свидетельству В. А. Семенова, П. А. Ойунский хорошо знал различные опубликованные тексты сюжета о Нургун Боотуре: записи фольклорных вариантов, выполненные И. А. Худяковым, Э. К. Пекарским, С. В. Ястремским и др. [8, с. 160]. С другой стороны, сам поэт был причастен к устной традиции, являлся сказителем, превосходным знатоком эпоса и его исследователем. В научной статье «Якутская сказка (олонхо), ее сюжет и содержание» (1927) [6], П. А. Ойунский рассматривает якутский героический эпос как художественную рефлексию истории народа, высказывает идеи о генезисе олонхо. В своей работе он переработал большое количество сюжетов, мотивов и образов олонхо, проанализировал многочисленные сюжетные ходы, выявил типичные для героев якутского эпоса действия, состояния, определил мотивы их действий. Здесь же П. А. Ойунский с сожа-

лением отмечает, что «тексты олонхо еще мало записаны, а богатство и красота языка *олонхосутов* переданы еще слабо» [9, с. 119–120]. В 1929–1932 годы появляется письменный тип эпического текста «Нургун Боотур Стремительный». Задачи его создания, таким образом, состояли в следующем: 1) сохранить устную традицию; 2) создать наиболее полный сюжет якутского эпоса, отличающийся максимальной подробностью. Последнее также может быть подтверждено свидетельствами современников поэта о том, что П. А. Ойунский всегда просил сказителей-олонхосутов петь как можно более подробно.

Следует подчеркнуть, что «Нургун Боотур Стремительный» Ойунского является одним из первых прецедентов создания письменного текста олонхо. Поэт не располагал опорной национальной письменной традицией. Она была разработана им самостоятельно с ориентацией на письменную литературу. В то же время происходит максимальная мобилизация средств собственной национальной словесности.

Для письменного текста олонхо П. А. Ойунским была найдена особая композиционная форма. «Нургун Боотур Стремительный» предваряется значительным по объему авторским стихотворным прологом. Вступление к эпическому тексту — новаторство поэта, не характерное для устной традиции олонхо. В нем могут быть условно выделены две части: автор здесь говорит об источниках своего текста и рассуждает об эпической традиции олонхо в целом. Основной текст состоит из девяти глав-«песен». Каждая из них наделяется отдельным зачином и представляет самостоятельный сюжетный ход эпоса. В тексте «Нургун Боотура» своеобразно выделены речь повествователя и речь героев: имена героев вынесены в заглавия их монологов, как в драматических произведениях, в тексте присутствует подобие авторских ремарок. В традиционном устном эпосе также обнаруживаются в невыраженном виде некоторые

элементы драмы, речь сказителя и речь героев также дифференцируется, однако здесь функционируют большею частью внетекстовые средства традиции — различные виды интонирования, мимики, жеста и др. Можно предположить, что эти свойства текста появились как дань письменной (литературной) традиции, поскольку текст был изначально ориентирован на письменный тип восприятия.

Важным отличительным качеством письменного типа эпического текста являются нововведения П. А. Ойунского в систему эпического сюжетосложения. В тексте олонхо Ойунского появляются частые и порой пространные авторские отступления, в которых обнаруживает себя автор, что не свойственно устному эпосу. Авторские отступления в олонхо П. А. Ойунского разнообразны по содержанию и форме. Это пролог и эпилог к тексту, стихотворные вступления к каждой «песне», авторские пояснения описываемых событий. Данная особенность письменного вида эпического текста напрямую связана с появлением субъективного организующего начала, «я» автора в тексте. При соотнесении сюжета олонхо П. А. Ойунского со структурным *инвариантом* устного эпоса [9, с. 163–165] наблюдаются некоторые отступления от традиции. В частности, мотив поединка с тунгусским богатырем, как правило, занимающий конечное место в цепи испытаний героя, инкорпорирован в середину повествования как промежуточный. Следует отметить усложнение мотивировки, появление в письменном эпосе элементов социальной, социально-психологической мотивировки действия.

В олонхо П. А. Ойунского выдержана традиционная сюжетная основа олонхо. Установка автора на создание наиболее полного сюжета олонхо обусловила присутствие практически всех известных якутскому эпосу типов персонажей: одинокого мужа — Ого Тулаайах-Эр Соготох, женщины-богатырки Кыыс Нургун, шаманки-покровительницы богатыря Айыы Умсуур Уда-

ган, девушек Туйаарыма Куо, Айталыын Куо, богатырей-защитников племени Юрюнг Уолана и Нургун Боотура.

Стих олонхо «Нургун Боотур», по сравнению с традиционным, становится несколько короче, а объем текста — больше. При этом отмечается тяготение стиха письменного текста к урегулированности по силлабическому принципу, близкому собственно литературным формам. Он характеризуется типичными для индивидуальной стиховой манеры поэта свойствами. Стих письменного текста олонхо складывается из двух-, трехсложных слов. По мнению исследователей, трехсложная ритмическая единица является одной из наиболее частотных форм в поэтических произведениях П. А. Ойунского [7, с. 163–164]. В письменном тексте практически исчезает грамматический параллелизм как организующее начало стиха. Для текста Ойунского характерны практически все виды и формы аллитерационной связанности, присущие традиционному стиху. Такой принцип построения придает письменному эпосу более четкий ритмический строй. Следует отметить, что именно П. А. Ойунский первым предложил принцип стихотворного письменного оформления якутского эпоса. До этого момента олонхо записывалось и печаталось прозой, без выделения стихов, в чем можно убедиться на примере первых изданий якутского эпоса. Письменный тип создания и редактирования текста позволяет построить практически «визуально урегулированный» стих.

В «Нургун Боотуре» П. А. Ойунским используются традиционные модели поэтических формул олонхо, присущие большей частью всему жанровому фонду. Однако стабилизирующие механизмы письменной традиции лишают формулу подвижности, состав ее становится устойчивым и в своем неизменном виде формула повторяется в тексте, фактически превращаясь в *клише*. При переходе из устной среды в письменную формула претерпевает функциональ-

ную трансформацию — из важнейшего средства мнемотехники устной традиции превращается в средство создания традиционного стиливого колорита эпоса, начинает выполнять сугубо орнаментальные функции. С лексико-стилистической стороны текст «Нургун Боотура» отражает индивидуальные черты поэтического языка П. А. Ойунского и в этом смысле он неповторим, уникален. При сопоставлении языка письменного эпоса и литературных произведений поэта («Улуу Кудангса», «Кысыл Ойуун») выявляется ряд единых для идиом П. А. Ойунского стереотипных поэтических клише. Лексика письменного типа эпического текста в сравнении с фактами устной традиции более нормирована, свободна от диалектных различий. Поэт сознательно отказывается от включения в текст просторечия и стилистически сниженной лексики. Как отмечают лингвисты, «редких диалектных слов в произведениях Ойунского почти нет, и в этом отношении его лексика целиком базируется на узуальном словарном запасе и коренных свойствах общенародного языка» [10, с. 175].

В письменном тексте П. А. Ойунского усиливается эстетическая функция эпической традиции, которая выражается в изощренной формульности поэтического языка, в преимущественной силлабической урегулированности стиха, в усложнении повествовательной структуры. Письменный эпос одновременно разворачивает несколько сюжетных линий. Обозначим их именами героев: 1) Юрюнг Уолан — Туйаарыма Куо, 2) Ньургун Боотур — Кыыс Ньургун, 3) Ого Тулаайах (Эр Соготох) — Хаачылаан Куо. Эти сюжетные линии вводятся последовательно, в указанном порядке и параллельно следуют к развязке. При этом повествование попеременно переключается с одной линии на другую. Если в устном тексте значительное внимание уделяется событийному плану, то в письменном тексте — несколько иной тип построения нарратива: повествование дозируется, затягивается,

возникает особая композиция рассказывания. Последнее качество обнаруживается особо явно при сопоставлении «песен» 7 и 8, где об одних и тех же событиях рассказывается с разных «точек зрения»: 1) Ньургун Боотура, 2) Юрюнг Уолана, при этом нарушается фабульная последовательность.

В то же время письменный текст олонхо сохраняет константные для эпического жанра черты. Письменный текст «Нургун Боотура» обнаруживает тематическое единство с устными вариантами героических сюжетов о Нургун Боотуре-защитнике племени. Сохраняются традиционные имена действующих персонажей, свойственные им характеристики и функции. В олонхо П. А. Ойунского выдержаны некоторые традиционные каноны эпического сюжетосложения. В письменном эпосе, как и в устном, повествование о рассказываемых событиях ведется как о давно минувших. Пространственная структура текста сохраняет типичные для олонхо черты. Эпический мир делится на три мира с их традиционными предметно-функциональными характеристиками. В тексте Ойунского представлены практически все характерные для художественной модели мира олонхо топосы: «идеальная» горизонталь — *алаас* с лесом на периферии (родина героя), *священная вертикаль* — мировое древо, мировая гора, огнекипящее море, *переправа*.

Таким образом, эпический текст, созданный П. А. Ойунским, характеризуется иной, более высокой по сравнению с фактами устных вариантов степенью структурированности, проявляющейся на разных уровнях художественного целого. Определяющим при этом является появление в письменном тексте олонхо тенденции к осознанию авторства как субъективного организующего начала. Это качество письменной традиции находит выражение прежде всего на уровне формальных элементов текста. Письменный способ создания эпического текста, не известный прежде якутской тра-

диции, определил его подробность, урегулированность языка и стиха, оригинальный вид композиционной и повествовательной структуры. В прецеденте письменного текста олонхо имеет место целенаправленный, осознанный отбор лучших, с точки зрения поэта, элементов эпической традиции, манифестирование их в одном тексте. В то же время отмечаются черты дефольклоризации: ослабевает связь с мифом, намечается тенденция к отходу от традиционного сти-

ха, происходит функциональная трансформация элементов поэтического языка. Письменный эпос стремится к установлению своих, сугубо письменных канонов — к точности, к подробности, к стилевой отточенности и цельности, свойственной произведениям художественной литературы. Таким образом, письменный тип эпического текста представляет собой сложное соединение автохтонных устных традиций и элементов индивидуального творчества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богатырев П. Г., Якобсон Р. О. Фольклор как особая форма творчества // Богатырев П. Г. Вопросы народного творчества. М.: Искусство, 1971. С. 369–383.
2. Мелетинский Е. М. Происхождение героического эпоса. Ранние формы и архаические памятники. М.: Наука, 1963. 462 с.
3. Неклюдов С. Ю. Традиции устной и книжной культуры: соотношение и типология//<http://www.rutenia.ru/folklore/neckludov6.htm>
4. Ойунский П. А. Ньургун Боотур Стремительный. Якутск: ИГИ АН РС (Я), 2003. 544 с.
5. Ойунский П. А. Собрание сочинений: В 7 т. Якутск, 1962. Т. 7.273 с.
6. Ойунский П. А. Якутская сказка (олонхо), ее сюжет и содержание // Сборник трудов исследовательского общества «Саха кэскилэ». Якутск, 1927. С. 48–72.
7. Семенов В. А. Творчество П. А. Ойунского. Новосибирск: Наука, 1980. 368 с.
8. Семенов В. А. Фольклорные сюжеты и мотивы в творчестве П. А. Ойунского. Якутск, 1966. 136 с.
9. Семенова Л. Н. Эпический мир олонхо: пространственная организация и сюжетика. СПб., 2006. 232 с.
10. Слепцов П. А. Якутский литературный язык. Истоки, становление норм. Новосибирск: Наука, 1986. 261 с.
11. Стеблин-Каменский М. И. Историческая поэтика. Л.: ЛГУ, 1978. 173 с.
12. Эргис Г. У. Богатырский эпос якутов олонхо // Ньургун Боотур Стремительный. Серия «Богатырский эпос якутов». Вып. 1. Якутск: Госиздат ЯАССР, 1947. С. 5–60.

REFERENCES

1. Bogatyrev P. G., Jakobson R. O. Fol'klor kak osobaja forma tvorchestva // Bogatyrev P. G. Voprosy narodnogo tvorchestva. M.: Iskusstvo, 1971. S. 369–383.
2. Meletinskij E. M. Proishozhdenie geroicheskogo jeposa. Rannie formy i arhaicheskie pamjatniki. M.: Nauka, 1963. 462 s.
3. Nekljudov S. Ju. Traditsii ustnoj i knizhnoj kul'tury: sootnoshenie i tipologija//<http://www.rutenia.ru/folklore/neckludov6.htm>
4. Ojunskij P. A. N'urgun Bootur Stremitel'nyj. Jakutsk: IGI AN RS (JA), 2003. 544 s.
5. Ojunskij P. A. Sobranie sochinenij: V 7 t. Jakutsk, 1962. T. 7.273 s.
6. Ojunskij P. A. Jakutskaja skazka (olonho), ee sjuzhet i sodержanie // Sbornik trudov issledovatel'skogo obshchestva «Saha kjeskilje». Jakutsk, 1927. S. 48–72.
7. Semenov V. A. Tvorchestvo P. A. Ojunskogo. Novosibirsk: Nauka, 1980. 368 s.
8. Semenov V. A. Fol'klornye sjuzhety i motivy v tvorchestve P.A. Ojunskogo. Jakutsk, 1966. 136 s.
9. Semenova L. N. Jepicheskij mir oлонho: prostranstvennaja organizatsija i sjuzhetika. SPb., 2006. 232 s.
10. Slepcov P. A. Jakutskij literaturnyj jazyk. Istoki, stanovlenie norm. Novosibirsk: Nauka, 1986. 261 s.
11. Steblin-Kamenskij M. I. Istoricheskaja poetika. L.: LGU, 1978. 173 s.

12. Jergis G. U. Bogatyrskij epos jakutov olonho // Njurgun Bootur Stremitel'nyj. Serija «Bogatyrskij jepos jakutov». Вып. 1. Jakutsk: Gosizdat JAASSR, 1947. S. 5–60.

В. В. Грачева (Бобыльченко)

РЕЧЕВОЙ АКТ КОНТАКТОУСТАНАВЛИВАЮЩЕГО ФАТИЧЕСКОГО МЕТАКОММУНИКАТИВА В РАКУРСЕ ФУНКЦИОНАЛЬНО- ПРАГМАТИЧЕСКОГО ПОЛЯ

На материале английского языка предлагается характеристика микрополя контактоустанавливающего фатического метакоммуникатива, а именно: плана его содержания и выражения, принципов моделирования, а также распределения конститuentов в его центрально-периферийной структуре. Результаты проведенного исследования вносят определенный вклад в дальнейшую разработку теории функционально-прагматического поля.

Ключевые слова: функционально-прагматическое поле, микрополе, ядро, периферия, речевой акт, интенциональность, фатический метакоммуникатив, установление контакта.

V. Gracheva (Bobylichenko)

The Speech Act of Establishing the Contact of Phatic Metacommunication from the Perspective of Functional -Pragmatic Field

The speech act aimed at supporting communication by establishing the contact between interlocutors is described as a functional-pragmatic microfield which has its plane of contents and plane of expression and is characterized by a certain structure. The results of this study contribute to the further development of functional-pragmatic approach in field-research.

Keywords: functional-pragmatic field, microfield, center, periphery, speech act, intentionality, phatic metacommunication, contact set up.

Фатический метакоммуникатив можно рассматривать как функционально-прагматическое поле (далее — ФПП), которое представляет собой систему единиц языка различной синтаксической и интенциональной структуры, реализующих в речи коммуникативное намерение говорящего регулировать контакт. Данное намерение, будучи инвариантным интенциональным признаком, присущим всем конститuentам функционально-прагматического поля фатического метакоммуникатива, выступает в качестве «фона», объединяющего микрополя в единую систему. Различия в операциях с контактом (установление, поддержание и размыкание), обусловленные различными

фазами общения, представляют собой «спецификаторы», уточняющие и детализирующие инвариантный интенциональный признак, а также служащие основой выделения трех интенциональных вариантов, каждый из которых, стало быть, образует отдельное микрополе [1, с. 145].

Данная статья, выполненная на материале английского языка, посвящена одному из микрообразований исследуемого ФПП, а именно — микрополю контактоустанавливающего фатического метакоммуникатива. Планом его содержания выступает один из вариантов упомянутой выше инвариантной коммуникативной интенции, а именно: установление контакта, тогда как синтаксиче-